

Татьяна Кананович (Синявская-Суйковска)
(Гданьский университет)

Субъектная структура научного текста

Вопрос о субъектной структуре научного текста возник в связи с исследованием нами текстовой категории имперсональности (Синявская-Суйковска, 2016), которая состоит в таком сознательном выборе языковых средств разных уровней, которые позволяют либо понизить в ранге, либо полностью удалить семантический субъект из предложения/текста, в целях придания предложению/тексту максимально объективного характера в связи с преобладанием в нем познавательной функции. В данной концепции мы исходим из предпосылки, что, во-первых, субъектное поле научного текста может отличаться от субъектных полей других типов текстов; во-вторых, субъектная организация научного текста предполагает способы «сокрытия» субъекта, что и позволяет нам говорить об имперсональности; в-третьих, субъектная организация научного текста национально специфична (культурно обусловлена). В связи с последним можно предположить, что состав средств, формирующих данную категорию, будет разным для русского и польского языков. Более того, если применить к набору средств реализации данной категории

This is an Open Access article distributed under the terms of the Creative Commons Attribution 3.0 PL License (creativecommons.org/licenses/by/3.0/pl/), which permits redistribution, commercial and non-commercial, provided that the article is properly cited. © The Author(s) 2018.

Publisher: Institute of Slavic Studies, Polish Academy of Sciences
[Wydawca: Instytut Słowistyki Polskiej Akademii Nauk]

метод поля, то можно предположить, что ядро и периферия этого поля могут формироваться в исследуемых языках разными средствами.

В перспективе исследования, построенные по указанной здесь схеме, предполагают статистический анализ предложений польских и русских научных текстов с вычленением в них общего числа пропозиций, исчислением количества субъектных пропозиций, определением статуса субъекта данной пропозиции (присутствует, понижен в статусе или отсутствует), исчислением способов понижения статуса или устранения субъекта, построением поля имперсональности для польского и русского научных текстов.

Думаю, что справедливо было бы рассматривать данные исследования научного дискурса как попытку связать явления грамматические со стилистическими и текстово-дискурсивными, а шире – как попытку разработать стилистическую грамматику текстового уровня.

В настоящей статье мы рассмотрим виды субъектов в научном тексте и – ввиду исследуемой категории имперсональности – способы «сокрытия» отдельных видов субъектов, состоящие, как уже было сказано, в понижении статуса или устранении субъекта. Для этих целей нами были проанализированы 3 фрагмента научных текстов разных авторов (Арутюнова & Ширяев, 1983; Бабенко, 2010; Киклевич 2013)¹; общее количество вычлененных пропозиций составило 200.

Одним из инструментов анализа является понятие модели предложения, активно используемое исследователями семантического синтаксиса (см. работы: Арутюнова & Ширяев, 1983; Золотова, 1973; Новоженова, 2001; Шмелева, 1988, и др.)². Вслед за Г. А. Золотовой под моделью мы будем понимать синтаксическую презентацию типового значения (пропозиции), ср.

Форма предложения в нашем понимании синонимична понятию «модель предложения» и складывается из постоянных структурных признаков (состава) предложения и переменных признаков, модально-временных и личных характеристик предикативности, потенциально – в их совокупности, реально – представляя каждую характеристику в одном из ее частных значений (Золотова, 1973, с. 140).

В данной работе предлагается выделять базовые модели, трансформированные модели и осложненные модели. **Базовые** модели предпола-

¹ Далее в тексте примеры сопровождаются указанием инициала фамилии автора.

² Подробное описание избранных концепций предлагается в (Киклевич, 2008).

гают изоморфизм модели с типовым значением. Так, например, типовое значение бытийности (*где-то*) *есть кто-то/что-то* может выражаться в таких базовых моделях, как: *В статье ошибка; В статье имеется ошибка*. Варьирование предикатов в способах выражения модальности, лица и времени (грамматико-семантические модификации в терминологии Г. А. Золотовой) составляет парадигму модели: *В статье была ошибка; В статье может быть ошибка*. Под **трансформацией** модели имеется в виду изменение вида модели в связи с перераспределением субъектно-объектных ролей с сохранением моносубъектности модели.

Трансформированную модель мы будем называть актуальной (данной в тексте), базовую – исходной. В базовых нетрансформированных моделях выступает только субъект первого уровня, в трансформированных – субъект 1-го и 2-го уровня.

Актуальная модель (2-го уровня)	Вид модели	Исходная модель (базовая) (1-го уровня)	Вид модели
В науке идет спор (S2).	Бытийная	Ученые (S1) спорят.	Действия

С **осложненной** моделью мы имеем дело тогда, когда в результате разнообразных процессов углубляется субъектная организация модели, приводящая к полисубъектности. Именно в такой очередности в статье и будет представлена субъектная структура научного текста.

Рассматривая субъектную перспективу высказывания, Н. К. Онипенко выделяет 5 основных субъектных зон:

S1 – субъекта базовой (неосложненной) модели;

S2 – субъекта-каузатора;

S3 – субъекта-авторизатора;

S4 – субъекта-говорящего, автора данного высказывания;

S5 – адресата высказывания, субъекта-слушающего (Онипенко, 2004).

Первые два субъекта относятся к зоне диктума, следующие три – к сфере модуса. Данное разграничение не представляется для нас существенным. Во-первых, начиная с конца данной классификации, следует сразу же отметить, что S5 – субъект-слушающий не был отмечен в нашем материале ни разу, что уже само по себе свидетельствует о специфике субъектной организации научного текста. Таковым можно считать ко-субъекта,

входящего в так называемое «мы инклюзивное» в высказываниях типа: *Рассмотрим данное предложение*; но такие пропозиции мы будем относить к модели действия с субъектом-агентом первого уровня.

Во-вторых, S4 – субъект-говорящий может проявляться: 1) в так называемых модус-предложениях типа: *Как мы полагаем, Я думаю*, а такие предложения также рассматриваются нами в моделях действия с субъектом-агентом; 2) в авторизации разных моделей, – и тогда мы рассматриваем его в рубрике S3 – как одно из проявлений субъекта-авторизатора.

Субъект базовой модели

В лингвистике существует достаточно много разнообразных классификаций базовых моделей (см. Всеволодова, 2000; Золотова, 1973; Новоженова, 2001; Шмелева, 1988). Не вдаваясь здесь в подробности относительно правомерности включения/невключения отдельных моделей в классификации и основываясь на проанализированном материале, мы выделяем следующие модели и их субъекты:

1) экзистенциальная модель (модель бытия), в которую включаются разновидности локализованного наличия и темпорального наличия; бытующий субъект:

Это отозвалось в стихотворении Юрганаса Кунчинаса о современной независимой Литве. (Б.)

Сама лингвистика как система научных знаний о языке при этом оказывается как бы на периферии. (К.)

Коннексионизм уходит корнями в философию. (К.)

2) модель посессивного наличия; субъект-посессор.

Здесь следует сразу же отметить, что изоморфичным способом представления типового значения обладания является конструкция с пониженным в статусе субъектом-посессором: *У кого/чего есть кто/что, нет кого/чего* с разными модификациями, ср.

Для говорящего практически нет проблемы выбора слов и конструкций. (А., Ш.)

Но в научном тексте, вопреки тенденции к имперсонализации – устранению или понижению субъекта, – наблюдается выведение субъекта-посессора на главную позицию в предложении:

Факты языковой практики обнаруживают общие свойства с формами человеческой активности в других сферах. (К.) < У фактов языковой практики есть общие свойства с формами человеческой активности в других сферах. Это имеет огромный гносеологический потенциал. (К.) < У этого есть огромный гносеологический потенциал.

3) модель действия (любого: физического, физиологического, эмоционального, ментального, речевого; сюда же мы будем относить модели с предикатами, выраженными глаголами восприятия и перемещения (движения)); субъект-агенс:

Об этом и сегодня спорят специалисты. (Б.)

Современная философия языка занимается довольно широким кругом проблем. (К.)

К. Писаркова утверждала [...]. (К.)

Говорящий вынужден управлять потоком речи. (А., Ш.)

4) модель характеристики (признака, в том числе процессуального, свойства, состояния); характеризующийся субъект:

Постмодернизм аморален. (Б.)

Постмодернизм переливается значениями. (Б.)

Только при широком взгляде на предмет языкознания возможна такая научная дисциплина, как лингвистическая прогностика. (К.)

5) модель отношения (тождества, классификации, соединения, противопоставления и т.д.), в терминологии Т. В. Шмелевой – Л-пропозиция (логическая). В этой модели нет субъекта, логические операции производятся на объектах: «В Л-пропозиции может быть только один тип актанта – объект. Общая формула Л-пропозиций S-P или ARB (называем объектом то, что в логике принято именовать субъектом)» (Шмелева, 1988, с. 10), ср.

Постмодернизм – одно из ключевых понятий мировой элитарной и массовой культуры последней трети XX – начала XXI века. (Б.) – отношения тождества;

Слово постмодернизм до сих пор не является строгим термином. (Б.) – отношения тождества.

Но несмотря на отсутствие субъекта, мы не можем исключить эту модель из рассмотрения, поскольку в ней чаще всего встречаются номинализации – свернутые пропозиции – как имена ситуаций, входящих в разного рода логические отношения. А свернутая пропозиция пред-

полагает наличие скрытого субъекта. Такие конструкции будут рассмотрены ниже.

Базовые модели в данном понимании моносубъектны и монопредикативны. Субъект базовой модели чаще всего выражен и занимает главную позицию в предложении – позицию синтаксического подлежащего. Но уже и на этом уровне – уровне моносубъектности – нами были отмечены способы понижения субъекта в ранге или устранения его из предложения (без трансформации модели или осложнения предложения). Главным образом это касается моделей действия, в которых устранение субъекта происходит путем модально-волеутивных и инфинитивных модификаций, ср.

Со скверной постмодернизма необходимо бороться. (Б.) < Со скверной постмодернизма кто-то должен бороться.

Чтобы научиться говорить и писать на неродном языке, очень важно не только знать, но и чувствовать его синтаксический строй. (А., Ш.) < Чтобы кто-то мог говорить и писать на неродном языке, он должен не только знать, но и чувствовать его синтаксический строй.

Как указывают исследователи, так называемые «безличные» модальные и инфинитивные предложения «внутренне» личны, именно этим определяется / обуславливается возможность вывода из них субъектных (в данном случае агентивных) предложений, ср.

Инфинитивные предложения в русском языке не могут считаться первичными («ядерными») предложениями. Они являются результатом простейших трансформаций и свободно выводятся из «личных» предложений. Смысл инфинитивных трансформаций состоит, очевидно, в придаче данному высказыванию модальных оттенков (Исаченко, 1965, с. 164).

Субъект трансформированной модели

Как уже было сказано выше, под трансформацией понимается изменение вида модели в связи с перераспределением субъектно-объектных ролей с сохранением моносубъектности модели. Во всех языках одна и та же пропозиция может быть выражена разными синтаксическими средствами – разными моделями предложения, в зависимости от намерений говорящего и коммуникативной ситуации (шире – вида текста и типа дискурса). Выбор той или иной модели, а также трансформация базовой модели синтаксически и стилистически значима, ср.

Нередкая в речи невыраженность субъекта в предложениях, сообщающих о состоянии субъекта, синтаксически значима. Если в абсолютно безличных предложениях невыраженности субъекта – за пределами воли говорящего, для говорящего там нет выбора, то невыраженность субъекта в личных предложениях – один из способов представления субъекта, находящихся в распоряжении говорящего, определяемых контекстными и стилистическими условиями (Золотова, 1973, с. 162).

Таким образом, трансформация модели в предлагаемом здесь понимании может рассматриваться как глобальный способ «сокрытия» субъекта в научном тексте.

Трансформация может происходить и без затрагивания субъекта: статус субъекта может не меняться. Таковы в большинстве случаев трансформации модели характеристики в посессивную модель:

Постмодернизм имеет национальность. (Б.) (< У постмодернизма есть национальность.) < *Постмодернизм национален.*

Это (упорядочение) имеет огромный гносеологический потенциал. (К.) (< У этого (упорядочения) огромный гносеологический потенциал.) < *Это (упорядочение) гносеологически значимо.*

Язык имеет социальную природу. (К) (< У языка социальная природа.) < *Язык социален.*

Дисциплина претендует на статус нормальной. (К) < *Дисциплина хочет иметь статус нормальной.* < *Дисциплина хочет быть нормальной.*

Тем не менее, чаще всего в результате трансформации модели происходит устранение субъекта или понижение его статуса при помощи следующих средств:

1) трансформация модели действия в посессивную модель при участии конверсивов:

Постмодернизм так и не получил строгого научного определения. (Б.) < *Постмодернизму не дали (кто-то не дал) строгого научного определения.* – S1 (посессор) присутствует, S2 (агенс) устранен.

Нативизм в XX веке получил сильный импульс благодаря работам Н. Хомского и его последователей. (К.) < *Работы Н. Хомского и его последователей дали нативизму в XX веке сильный импульс.* – S1 (посессор) присутствует, S2 (агенс) понижен.

2) трансформация модели действия в модель характеристики с помощью пассивизации.

Это наиболее частый тип трансформации, превращающий акциональную, агентивную модель в неакциональную и неагентивную, ср.

При «переходе» активного оборота в пассивный изменяется структурно-смысловое значение компонентов предложения. Глагол с утратой действительного залога утрачивает и акциональное значение, и актуализационные возможности, агентивный компонент становится факультативным или ненужным, а объектный компонент приобретает вторичное значение субъекта, – носителя процессуального состояния. Можно определить пассивизацию предложения как результат дезакционализации, дезактуализации и дезагентивизации (Золотова, 1973, с. 132).

Это касается всех пассивизаторов: и конструкций с рефлексивным глаголом, и конструкций с кратким причастием, ср.

Картина мира частично детерминирована данным языком. (К.) < Данный язык детерминирует картину мира.

(В формировании высказывания соучаствуют разнородные факторы): [...] цель, с которой делается сообщение. (А., Ш.) < Цель, с которой кто-то делает сообщение.

3) трансформация моделей с помощью неосложняющей номинализации.

В семантическом синтаксисе «номинализацией принято называть механизм преобразования предикатных структур (предложений) в именные и результат этого преобразования» (Арутюнова, 1980, с. 347).

Для нашего анализа существенным оказалось деление на неосложняющую и осложняющую номинализации. В. Г. Гак называет их соответственно независимыми и зависимыми, ср.

В первом случае номинализации подвергается сказуемое главного или независимого предложения: *Там (идет) стрельба* (= там стреляют). Во втором номинализация используется для представления данного процесса в качестве актанта или сирконстанта другого процесса, что на синтаксическом уровне выражается заменой придаточного предложения членом предложения: *Из-за стрельбы нельзя было выйти на улицу* (= так как стреляли) (Гак, 1998, сс. 395–396).

Номинализации, не осложняющие предложения, сохраняют его моносубъектность, осложняющие номинализации ведут к его полисубъектности.

Неосложняющие (независимые) номинализации делятся на субъектные и объектные (Гак, 1998, с. 397). В объектных происходит только

«расщепление» предиката, что не влияет ни на количество субъектов, ни на вид модели, поэтому они не будут нами рассматриваться, ср.

Собеседники не могут подвергать сознательному анализу все механизмы речеобразования. (А., Ш.) < Собеседники не могут сознательно анализировать все механизмы речеобразования.

Субъектные неосложняющие номинализации трансформируют модель и приводят к изменению субъектной ситуации: номинализованный элемент становится субъектом модифицированной модели, а субъект исходной модели оказывается пониженным в статусе или устраненным, ср.

Интерес к этой проблеме возрос особенно в России. (К.) < Россияне проявляют к этой проблеме повышенный интерес. < Россияне все больше интересуются этой проблемой.

Здесь мы имеем дело со следующей трансформацией: актуальная модель – бытийная, исходная модель – действия; субъект исходной модели устранен (преобразован в словосочетание в России).

В следующем примере происходит та же трансформация модели, но субъект исходной модели устраняется:

Существуют разные подходы к категоризации. (К.) < Можно по-разному подходить к категоризации. < Кто-то может (мы можем) по-разному подходить к категоризации.

В двух примерах ниже исходная модель действия трансформируется в модель характеристики, субъект исходной модели устраняется:

Становится возможным расширение области их концептуализации и выбор наиболее адекватных описаний моделей. (К.) < Кто-то может (мы можем) расширить область их концептуализации и выбрать наиболее адекватные описания моделей.

Упорядочение лингвистического знания необходимо. (К.) < Кто-то должен (мы должны) упорядочить лингвистическое знание.

Далее в примерах модели действия трансформируются в модели тождества с устранением субъекта исходной модели:

Некоторые характеристики постмодернизма являются предметом анализа и в сугубо научных исследованиях. (Б.) < Некоторые характеристики постмодернизма анализируются и учеными. < И ученые анализируют некоторые характеристики постмодернизма.

Настоящая статья является попыткой верификации положения о «региональных постмодернизмах» – русском и польском. (Б.) < В настоящей статье мы попытаемся верифицировать положение о «региональных постмодернизмах» – русском и польском.

Субъект осложненной модели

Но в научном тексте такая – моносубъектная – ситуация – редкость. На субъектную зону базовых моделей накладываются другие субъектные «сетки», приводящие к осложнению субъектной перспективы предложения – его полисубъектности. Причем этот другой, дополнительный субъект чаще всего скрыт. К таким субъектам относятся авторизатор, каузатор, а также субъекты свернутых пропозиций, представленных осложняющими номинализациями.

Авторизатор

Понятие авторизации было детально описано Г. А. Золотовой (Золотова, 1973, сс. 263–277), а суть его заключается в том, что

разнообразными, и вполне поддающимися описанию способами в предложении, содержащее ту или иную информацию об объективной действительности, вводится второй структурно-семантический план, указывающий на субъект, «автора» восприятия, констатации или оценки явлений действительности, а иногда и на характер восприятия (Золотова, 1973, с. 263).

Авторизацией являются, таким образом, во-первых, все **дискретно выраженные** (в виде вводной конструкции) **модус-пропозиции**, в которых «просвечивает» авторское я: *Как мы полагаем, Я думаю* и т.д. Чаще всего это модели действия с субъектом-агенсом.

Субъект в дискретных модус-пропозициях чаще всего понижается в статусе или устраняется, причем способы понижения или устранения субъекта разнообразны и многочисленны:

– модально-безличные модификации моделей характеристики (так называемые модальные безличные предложения): *Совершенно очевидно, что в такой ситуации все актуальнее становится требование синергического*

подхода к языку. (К) < Для меня совершенно очевидно, что [...] < Я вижу совершенно ясно, что [...].

Сюда же: вероятно, предположительно и т.д.

– модально-инфинитивные модификации моделей действия: *можно предполагать, что [...]; нетрудно заметить, что [...]* и т.д.

– возвратно-пассивные модификации моделей действия: *предполагается, что [...]; считается, что [...]*;

– предложно-именные формы, в том числе номинализации: *Такой подход, с моей точки зрения, является неприемлемым. (К.) < Я считаю такой подход неприемлемым;*

Сюда же можно отнести выражения: *вне сомнения, по моему мнению, для него* и т.д.

Ко второй группе мы отнесем предложения с **недискретно выраженным авторизатором**, появляющимся чаще всего в бытийных моделях и моделях отношения. В последних два объекта сравниваются, уподобляются, противопоставляются, а авторизирующий субъект выполняет роль комментатора, ср.

Первыми его (постмодернизма) литературными ласточками принято считать произведения Венедикта Ерофеева «Москва – Петушки» и Андрея Битова «Пушкинский дом». (Б.) < Кто-то считает (исследователи считают) (S1), что первые его литературные ласточки – это произведения Венедикта Ерофеева «Москва – Петушки» и Андрея Битова «Пушкинский дом», – авторизованный субъект в модели тождества.

Некоторые характеристики постмодернизма числятся за постмодернистским мифом. (Б.) < Кто-то числит некоторые характеристики постмодернизма за постмодернистским мифом. < Кто-то (S1) думает, что некоторые характеристики постмодернизма – это постмодернистский миф, – авторизованный субъект в модели тождества.

С субъектом-авторизатором, по всей видимости, не следует путать субъекта действия, присутствующего в пониженном статусе или устраненного путем пассивизации в моделях характеристики. Пусть решающей в данном случае будет невозможность «вынесения» субъекта в дискретную модус-пропозицию, ср.

*Характерные черты современной нам эпохи выражаются и оцениваются в поэзии. (Б) < *Кто-то выражает и оценивает, что характерные черты современной нам эпохи имеют место в поэзии, но: Кто-то выражает и оценивает характерные черты современной нам эпохи в поэзии.*

Данные предложения будут рассматриваться далее в связи с трансформацией моделей действия в модели характеристики.

Каузатор

В каузальной пропозиции «субъект вызывает некоторое действие или состояние другого лица или предмета» (Балли, 1961/2001, с. 159), «фиксируется зависимость одного события от другого» (Шмелева, 1988, с. 19), причем в каждом из событий имеется свой субъект. «Модель субъекта В оказывается включенной в модель субъекта А» (Золотова, 1973, с. 282), и таким образом один из субъектов в любом случае оказывается пониженным в статусе или устранным, ср.

Постмодернизм был мифологизирован в массовом сознании. (Б.) < Кто-то мифологизировал постмодернизм в массовом сознании. < Кто-то (S1) сделал так, что постмодернизм (S2) стал мифологизированным / присутствует в виде мифа в массовом сознании.

Между тем речевая коммуникация подчинена определенному ритму. (А., Ш.) < Определенный ритм подчиняет речевую коммуникацию. < Определенный ритм (S1) делает так, что речевая коммуникация (S2) становится подчиненной.

Говорящий повинуетя некоторым внутренним импульсам. (А., Ш.) < Некоторые внутренние импульсы (S1) делают так, что 'говорящий (S2) становится послушным'.

Эту задачу, с одной стороны, облегчает, а с другой – затрудняет привычка речевого общения на родном языке. (А., Ш.) < Привычка речевого общения на родном языке (S1) делает так, что задача (S2) становится, с одной стороны, легкой, а с другой – трудной.

Субъектная ситуация в предложениях с авторизирующими и каузальными предикатами осложняется еще больше, когда мы имеем дело не с базовыми моделями, а с моделями, в которых субъект представляет собой наименование события – номинализацию, выраженную девербативом или деадъективом. Такие конструкции будут рассмотрены ниже.

Номинализации

Здесь будут рассмотрены осложняющие номинализации, называемые М. А. Кормилицыной компликаторами.

М. А. Кормилицына под номинализацией понимает свернутую пропозицию, приводящую к осложнению простого предложения, оставляя его монопредикативным, но превращая в полипропозиционную структуру, ср.

Главная их роль заключается в усложнении и расширении содержательного плана предложения. Объем информации, заключенной в таком предложении, расширяется до весьма значительных размеров (...).

Все процессы вторичны по отношению к субъектно-предикатной репрезентации. Они не способны актуализировать содержание пропозиции, а также выступать в качестве самостоятельной коммуникативной единицы. Вторичность этих репрезентаций заключается и в том, что они включаются в состав монопредикативной единицы, подчиняясь основной пропозиции, «способствуя формированию сложного смысла, но не изменяя структурного типа предложения – его предикативной основы» (Кормилицына, 1988, с. 24, цит. за Шмелева, 1980, с. 133).

Номинализации-компликаторы, являясь чаще всего девербативами и деадъективами, могут быть самыми разными членами предложения, скрывая при этом субъекта свернутой и скрытой за ними пропозиции, в связи с чем усложняется субъектная организация предложения:

Проблемы связаны с функционированием языка в окружающей среде. (К.) < Проблемы (S1) связаны с тем, как язык (S2) функционирует в окружающей среде.

Совместное действие этих сил (создает высказывание). (А., Ш.) < Когда эти силы (S1) действуют совместно, создается (получается, есть) высказывание (S2).

(Говорящий вынужден управлять потоком речи «на ходу», не допуская при этом) нарушения правил «речевого движения». (А., Ш.) < (Говорящий вынужден управлять потоком речи «на ходу», не допуская того), что правила нарушаются. < (Говорящий (S1) вынужден управлять потоком речи «на ходу», не допуская того), что кто-то (говорящий) (S2) нарушает правила.

Наиболее сложны (в том числе и с интерпретационной точки зрения) предложения с авторизатором или каузатором, содержащие номинализованные конструкции, ср.

Который (резонанс) в научной среде был вызван публикацией книги. (К.) < То (S1), что кто-то (S2) опубликовал книгу, привело к тому, что в научной среде появился резонанс (S3).

В связи с этим Руденко писал о возможности «нетривиальных наблюдений», которые (наблюдения) открывает обращение к парадигмам философии языка. (К.) < Наблюдения (S1) станут возможны, если кто-то (мы) (S2) обратится к парадигмам философии языка.

Как было показано, исследование субъектного поля научного текста, поиски субъекта и установление его статуса – непростая задача. Это связано со сложностью самого материала и множественностью уровней анализа: модусно-диктумной структурой, моно- и полипропозитивными конструкциями, субъектной осложненностью пропозиции и т.д. Можно говорить о многоуровневой субъектной организации научного текста и разнообразных способах понижения статуса и устранения субъекта, что можно представить следующим образом:

1. уровень базовой модели:
 - модальные модификации;
 - инфинитивные модификации;
2. уровень трансформированной модели:
 - конверсивы;
 - пассивизация;
 - неосложняющая номинализация;
3. уровень осложненной модели:
 - дискретно выраженная авторизация (модальные модификации, инфинитивные модификации, номинализации);
 - недискретно выраженная авторизация;
 - каузация;
 - осложняющая номинализация.

Список использованной литературы

- Арутюнова, Н. Д. (1980). К проблеме функциональных типов лексического значения. In Н. Д. Арутюнова & А. А. Уфимцева (Eds.), *Аспекты семантических исследований* (pp. 156–250). Москва: Наука.
- Арутюнова, Н. Д., & Ширияев, Е. Н. (1983). Введение: Логико-семантический аспект синтаксиса. In Н. Д. Арутюнова & Е. Н. Ширияев, *Русское предложение: Бытийный тип* (pp. 5–13). Москва: Русский язык.

- Бабенко, Н. Г. (2010). «Национальные постмодернизмы»: Миф или реальность? In Г. И. Берестнев (Ed.), *Балтийский регион: Миф в языке и культуре* (pp. 5–16). Калининград: РГУ им. И. Канта.
- Балли, Ш. (2001). *Французская стилистика* (К. А. Долинина, Trans.) (2nd ed.). Москва: Эдиториал УРСС (Original work published 1961).
- Всеволодова, М. В. (2000). *Теория функционально-коммуникативного синтаксиса: Фрагмент прикладной (педагогической) модели языка*. Москва: Издательство МГУ.
- Гак, В. Г. (1998). Номинализация сказуемого и устранение субъекта. In В. Г. Гак, *Языковые преобразования* (pp. 395–408). Москва: Языки русской культуры.
- Золотова, Г. А. (1973). *Очерк функционального синтаксиса русского языка*. Москва: Наука.
- Исаченко, А. В. (1965). О синтаксической природе местоимений. In М. Б. Храпченко (Ed.), *Проблемы современной филологии* (pp. 159–166). Москва: Наука.
- Киклевич, А. (2008). Функциональная грамматика. In А. Киклевич, *Притяжение языка: Vol. 2. Функциональная лингвистика* (pp. 125–160). Olsztyn: Instytut Dziennikarstwa i Komunikacji Społecznej Uniwersytetu Warmińsko-Mazurskiego w Olsztynie.
- Киклевич, А. (2013). Парадигмы языкознания и современная лингвистика. In А. Киклевич, *Ветка вишни... Статьи по лингвистике* (pp. 13–33). Olsztyn: Centrum Badań Europy Wschodniej Uniwersytetu Warmińsko-Mazurskiego w Olsztynie.
- Кормилицына, М. А. (1988). *Семантически осложненное (полипропозитивное) простое предложение в устной речи*. Саратов: Изд-во Саратовского университета.
- Новоженова, З. (2001). *Русское глагольное предложение: Структура и семантика*. Słupsk: Pomorska Akademia Pedagogiczna w Słupsku.
- Онипенко, Н. К. (2004). Субъектная перспектива высказывания. In Г. А. Золотова, Н. К. Онипенко, & М. Ю. Сидорова, *Коммуникативная грамматика русского языка* (pp. 229–251). Москва: Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН.
- Синявская-Суйковска, Т. (2016). О сопоставительном изучении текстов: Текстовая категория ин-персональности (на материале польского и русского языков). In I. Bogoczová & Z. Nedomová (Eds.), *Area Slavica* (pp. 239–258). Ostrava: Ostravská univerzita, Filozofická fakulta.
- Шмелева, Т. В. (1980). Пропозиция и ее репрезентации в предложении. In К. В. Горшкова (Ed.), *Проблемы теории и истории русского языка* (pp. 131–137). Москва: Издательство МГУ.
- Шмелева, Т. В. (1988). *Семантический синтаксис*. Красноярск: Красноярский гос. ун-т.

Bibliography (Transliteration)

- Arutiunova, N. D. (1980). К проблеме функціонал'ных типів лексического значення. In N. D. Arutiunova & A. A. Ufimtseva (Eds.), *Aspekty semanticheskikh issledovanii* (pp. 156–250). Moskva: Nauka.

- Arutiunova, N. D., & Shiriaev, E. N. (1983). Vvedenie: Logiko-semanticheskiĭ aspekt sintaksisa. In N. D. Arutiunova & E. N. Shiriaev, *Russkoe predlozhenie: Bytiĭnyĭ tip* (pp. 5–13). Moskva: Russkiĭ iazyk.
- Babenco, N. G. (2010). "Natsional'nye postmodernizmy": Mif ili real'nost'? In G. I. Berestnev (Ed.), *Baltiĭskii region: Mif v iazyke i kul'ture* (pp. 5–16). Kaliningrad: RGU im. I. Kanta.
- Balli, S. (2001). *Frantsuzskaia stilistika* (K. A. Dolinina, Trans.) (2nd ed.). Moskva: Ėditorial URSS. (Original work published 1961).
- Gak, V. G. (1998). Nominalizatsiia skazuemogo i ustranenie sub'ekta. In V. G. Gak, *IAzykovye preobrazovaniia* (pp. 395–408). Moskva: IAzyki rusскоi kul'tury.
- Isachenko, A. V. (1965). O sintaksicheskoi prirode mestoimeniĭ. In M. B. Khrapchenko (Ed.), *Problemy sovremennoi filologii* (pp. 159–166). Moskva: Nauka.
- Kiklevich, A. (2008). Funktsional'naia grammatika. In A. Kiklevich, *Pritiazhenie iazyka: Vol. 2. Funktsional'naia lingvistika* (pp. 125–160). Olsztyn: Instytut Dziennikarstwa i Komunikacji Społecznej Uniwersytetu Warmińsko-Mazurskiego w Olsztynie.
- Kiklevich, A. (2013). Paradigmy iazykoznanii i sovremennaia lingvistika. In A. Kiklevich, *Vetka vishni... Stat'i po lingvistike* (pp. 13–33). Olsztyn: Centrum Badań Europy Wschodniej Uniwersytetu Warmińsko-Mazurskiego w Olsztynie.
- Kormilitsyna, M. A. (1988). *Semanticheski oslozhennoe (polipropozitivnoe) prostoe predlozhenie v ustnoi rechi*. Saratov: Izd-vo Saratovskogo universiteta.
- Novozhenova, Z. (2001). *Russkoe glagol'noe predlozhenie: Struktura i semantika*. Słupsk: Pomorska Akademia Pedagogiczna w Słupsku.
- Onipenko, N. K. (2004). Sub'ektnaia perspektiva vyskazyvaniia. In G. A. Zolotova, N. K. Onipenko, & M. I. Sidorova, *Kommunikativnaia grammatika russkogo iazyka* (pp. 229–251). Moskva: Institut russkogo iazyka im. V. V. Vinogradova RAN.
- Shmeleva, T. V. (1980). Propozitsiia i ee reprezentatsii v predlozhenii. In K. V. Gorshkova (Ed.), *Problemy teorii i istorii russkogo iazyka* (pp. 131–137). Moskva: Izdatel'stvo MGU.
- Shmeleva, T. V. (1988). *Semanticheskiĭ sintaksis*. Krasnoiarsk: Krasnoiarskiĭ gos. un-t.
- Siniavskaia-Suĭkovska, T. (2016). O sopostavitel'nom izuchenii tekstov: Tekstovaia kategoriia in-personal'nosti (na materiale pol'skogo i russkogo iazykov). In I. Bogoczová & Z. Nedomová (Eds.), *Area Slavica* (pp. 239–258). Ostrava: Ostravská univerzita, Filozofická fakulta.
- Vsevolodova, M. V. (2000). *Teoriia funktsional'no-kommunikativnogo sintaksisa: Fragment prikladnoi (pedagogicheskoi) modeli iazyka*. Moskva: Izdatel'stvo MGU.
- Zolotova, G. A. (1973). *Ocherk funktsional'nogo sintaksisa russkogo iazyka*. Moskva: Nauka.

Subjective structure of academic texts

Summary

In the paper I make an attempt to determine the subjective structure of scientific texts based on research of the textual category of impersonality. The category of impersonality is understood here as such a choice of means from different levels of the linguistic system (morphological, lexical, syntactical, textual) which allows to degrade or remove the semantic subject from the sentence/text to achieve the highest possible level of objectivity of the academic narration. My assumption is that 1) the subjective field of an academic text can differ from subjective fields of other text types, 2) subjective organization of academic texts is determined by hiding the semantic subject, which allows to distinguish the textual category of impersonality, 3) subjective structure of academic texts is culturally determined. Using the tool of sentence model I present the multilevel subjective organization of Russian academic texts and a list of means which contribute to the impersonality therein. The list of means includes modal and infinitive modifications, passivization, authorization, causation and different types of nominalization.

Subiektywna struktura tekstu naukowego

Streszczenie

W artykule podejmuję próbę przedstawienia podmiotowej struktury tekstu naukowego w ramach badań nad tekstową kategorią impersonalności. Przez kategorię impersonalności rozumiem świadomy wybór środków językowych z różnych poziomów, który prowadzi do obniżenia statusu lub całkowitego usunięcia podmiotu semantycznego ze zdania/tekstu w celu nadania maksymalnie obiektywnego charakteru narracji naukowej. Zakładam, po pierwsze, że pole podmiotowe tekstu naukowego może różnić się od pól podmiotowych

innych typów tekstu; po drugie, że organizacja podmiotowa tekstu naukowego polega w znacznej mierze na ukrywaniu podmiotu semantycznego, co pozwala mówić o istnieniu kategorii impersonalności; po trzecie, że podmiotowa organizacja tekstu naukowego jest uwarunkowana kulturowo. Wykorzystując pojęcie modelu zdania, przedstawiam wielowarstwową organizację podmiotową i sposoby obniżenia statusu / usunięcia podmiotu semantycznego w rosyjskich tekstach naukowych; do sposobów tych należą między innymi modyfikacje modalne i bezokolicznikowe, pasywizacja, autoryzacja, kauzatywizacja i różnego typu nominalizacje.

Keywords: textual category; impersonality; means of impersonalization; subject degradation; subject removal

Słowa kluczowe: kategoria tekstowa; impersonalność; środki impersonalizacji; obniżenie statusu podmiotu; usunięcie podmiotu

Tatiana Kananowicz (Siniawska-Sujkowska), Department of Linguistics and Translation Studies, Institute of Russian and Eastern Studies, Faculty of Languages, University of Gdańsk

Correspondence: tatiana.kananowicz@ug.edu.pl

The preparation of this article was financed at the author's own expense.

Competing interests: The author has declared she has no competing interests.